

«Русская благодарность»? Русско-пруссские отношения 1863—1864 гг. и их оценка в историографии

Александр Медяков

«Russian gratitude»? Russian-Prussian relations in 1863—1864 and their assessment in historiography

Alexander Medyakov
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870017312-4

На протяжении многих десятков лет позиция России по отношению к объединению Германии описывалась как «благожелательный нейтралитет». Упрощая, можно сказать, что русско-пруссские связи 1860-х гг. сводились к истории двух «делок» — конвенции Альвенслебена 1863 г. и соглашения 1868 г., в результате которых Петербург обеспечил тыл политике О. фон Бисмарка в обмен на поддержку, соответственно, в польском и восточном вопросах¹. Основы подобной трактовки заложили сам Бисмарк и современные ему историки-малогерманцы, особенно Г. Зибель², и она надолго превратилась в устойчивый историографический канон как в отечественной³, так и в мировой историографии, включая немецкую⁴. Так, А. Хилльгрубер считал, что конвенция Альвенслебена «создавала солидную исходную базу для новой пробы сил с Австрией»⁵.

В последнее десятилетие французская исследовательница С. Бюрго выпустила серию работ, посвящённых развенчанию этого «мифа» и обоснованию «нового взгляда», согласно которому в действительности Россия скорее сопротивлялась, нежели способствовала германскому объединению⁶. Вместе с тем

© 2021 г. А.С. Медяков

¹ Изображение русско-пруссских контактов как «делок» было особенно характерно для стилистики советской литературы 1930—1950-х гг. Так, оценивая значение конвенции Альвенслебена, А.С. Ерусалимский писал, что в обмен на эту услугу Бисмарк потребовал от России «уплаты» во время войны с Данией (*Ерусалимский А.С.* Бисмарк как дипломат // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 1. М., 1940. С. XXIII). А Ф.А. Ротштейн утверждал, будто «отныне у Бисмарка открылся у царя политический текущий счёт для производства нужных ему операций» (*Pottmeyerin Ф.А.* Из истории прусско-германской империи. М.; Л., 1948. С. 66).

² *Lord R.H.* Bismarck and Russia in 1863 // *The American Historical Review.* Vol. 29. № 1 (Oct. 1923), P. 24.

³ См., в частности: *Нольде Б.Э.* Россия, Пруссия и Польша (1861—1863) // *Вопросы мировой войны.* Пг., 1915. С. 104.

⁴ *Zechlin E.* Bismarck und die Grundlegung der deutschen Grossmacht. Stuttgart, 1960; *Jelavich B.* Rußland und die Einigung Deutschlands unter preußischer Führung // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht.* 1968. Bd. 19.

⁵ *Hillgruber A.* Bismarcks Außenpolitik. Freiburg, 1972. S. 46.

⁶ *Burgaud S.* Déconstruire le mythe fondateur: la politique russe de Bismarck dans la voie prussienne vers l'unité allemande (1863—1871) // *Histoire, économie et société.* 2008. № 3; *Burgaud S.* Plädoyer für eine Reise nach Moskau. Eine neue Deutung der Bismarckschen Russlandpolitik (1863—1871) //

Э. Кольб справедливо назвал подход Бюрго «верным, но не новым», и указал, что она сознательно маргинализировала известные ей чужие исследования, дабы сильнее подчеркнуть оригинальность собственных выводов⁷. Больше всего от подобной практики пострадали работы советских историков, значение которых Бюрго фактически низводит до уровня путеводителя по архивам. По её словам, «их противоречивый и поверхностный анализ в конце концов сжимает их помощь до шагреновой кожи: упоминания некоторых первоисточников»⁸. Между тем ещё Л.И. Нарочницкая впервые показала, что Россия не только не оказывала Пруссии поддержку при развязывании «объединительных войн», но, напротив, стремилась не допустить их, а затем пыталась сдержать Пруссию, выступая за интернационализацию этих конфликтов⁹. Л.М. Шнеерсон утверждал, что сближение с Пруссией даже после польского восстания и конвенции Альвенслебена «не было программной линией русской политики», а в преддверии австро-прусской войны Россия оказывала дипломатическое противодействие шагам Бисмарка¹⁰. Л.К. Роотс показала, что и в шлезвиг-гольштинском конфликте Россия была далека от безоговорочной поддержки Пруссии¹¹.

Важно отметить, что наблюдения советских историков довольно быстро получили международное признание, причём не только в Германии¹². Конечно, их труды упоминались лишь немногими зарубежными учёными¹³, однако те, в свою очередь, способствовали более широкому распространению новых оценок¹⁴. И уже в 1970-х гг. в немецкой историографии прежние представления о поддержке Россией германского объединения уступили место более дифференцированным суждениям, затем получившим развитие¹⁵. Так, в 1990-е гг. авторы

Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. N.F. Bd. 18. Berlin, 2008. H. 1; *Burgaud S.* La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques. Strasbourg, 2010.

⁷ *Kolb E.* Rezension zu Burgaud's «La politique russe de Bismarck et l'unification allemande. Mythe fondateur et réalités politiques» // *Historische Zeitschrift*. 2011. Bd. 293. S. 233.

⁸ *Burgaud S.* La politique russe... P. 101.

⁹ *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии сверху. М., 1960.

¹⁰ *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав: из истории «германского вопроса». Минск, 1962. С. 52, 202.

¹¹ *Роотс Л.К.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг. Таллин, 1957.

¹² См., например: *Stellner F.* Ursachen der russischen Neutralität im preußisch-österreichischen Krieg 1866 // *Prague Papers on History of International Relations*. 2007. № 10. P. 132—134.

¹³ *Kolb E.* Rußland und die Gründung des Norddeutschen Bundes // *Europa und der Norddeutsche Bund* / Hg. R. Dietrich. Berlin, 1968; *Beyrau D.* Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866—1870/1871. München, 1974. Именно анализ советской историографии позволил Э. Фляйшхауэру ещё в 1976 г. сделать вывод о том, что, вопреки традиционному взгляду, на месяцы, непосредственно предшествовавшие войне 1866 г., пришлась «высшая точка русско-прусского отчуждения» (*Fleischhauer E.* Bismarcks Rußlandpolitik im Jahrzehnt vor der Reichsgründung und ihre Darstellung in der sowjetischen Historiographie. Köln, 1976. S. 105, 122).

¹⁴ *Rautenberg H.-W.* Der polnische Aufstand von 1863 und die europäische Politik. Stuttgart, 1979. S. 323.

¹⁵ *Liszkowski U.* Die russische Deutschlandpolitik nach dem Krimkrieg bis zum Abschluß des Zweibundes mit Frankreich im Spannungsfeld von innenpolitischer Modernisierung und imperialen Machtanspruch // *Preußen-Deutschland und Rußland vom 18. bis zum 20. Jahrhundert* / Hg. W. Baumgart. Berlin, 1991. S. 60—62; *Metzler G.* Großbritannien — Weltmacht in Europa: Handelspolitik im Wandel des europäischen Staatensystems 1856 bis 1871. Berlin, 1997. S. 209; *Schulze Wessel M.* Die Epochen der russisch-preußischen Beziehungen // *Handbuch der preussischen Geschichte* / Hg. W. Neugebauer. Bd. 3. Berlin, 2000. S. 775—

исследования о конвенции Альвенслебена писали о том, что «русская политика в отношении к Пруссии и прусским амбициям и в последующее время была в гораздо большей степени отмечена сдержанностью и недоверием, чем признательностью и идеей далеко идущей солидарности»¹⁶. Критике подвергалась и сама «малогерманско-бисмарковская легенда» о миссии Альвенслебена как части долгосрочной подготовки войны с Австрией¹⁷. Тем удивительнее выглядят рецензии, приветствующие новизну книги Бюрго¹⁸.

Впрочем, в некоторых публикациях значение конвенции Альвенслебена по-прежнему преувеличивается¹⁹, а в одном из справочников даже категорически заявляется, что она «обеспечила Пруссии доброжелательный нейтралитет России во время прусских объединительных войн»²⁰. Схожие мнения звучат и в отечественной историографии²¹, хотя в «Истории внешней политики России» последовательно проводится верная мысль о том, что в Петербурге опасались усиления Пруссии и стремились сохранить *status quo* в Германии²². Эти разногласия отражаются и на характеристике действий в середине 1860-х гг. возглавлявшего МИД вице-канцлера кн. А.М. Горчакова. Как правило, современные отзывы о нём «носят исключительно комплиментарный характер»²³. Но ещё П.А. Зайончковский отмечал, что роль князя «в исторической литературе... часто переоценивается», тогда как он «в ряде случаев проводил германофильскую

777; *Doering-Manteuffel A.* Die deutsche Frage und das europäische Staatensystem 1815—1871. München, 2001. S. 105.

¹⁶ *Jeismann K.-E., Trzeciakowski L.* Polen im europäischen Mächtesystem des 19. Jahrhunderts: die «Konvention Alvensleben». Frankfurt a/M, 1994. S. 93.

¹⁷ *Hayes B.B.* Bismarck and Mitteleuropa. L., 1994. P. 93.

¹⁸ *Bendick R.* Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. № 4 (URL: https://www.dokumente.iog-regensburg.de/JGO/erev/Bendick_Burgaud_La_politique_russe_de_Bismarck.html); *Becker J.* Francia Recensio. 2012. № 4 (URL: https://perspectivia.net/publikationen/francia/francia-recensio/2012-4/zg/burgaud_becker). Особняком стоят лишь отзывы Кольба и У. Лаппенкюпера: *Kolb E.* Rezension zu Burgaud's...; *Lappenküper U.* Francia Recensio. 2011. № 2 (URL: https://perspectivia.net/receive/ploneimport2_mods_00006277).

¹⁹ *Nipperdey Th.* Deutsche Geschichte 1800—1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1994; *Engelberg E.* Bismarck: Sturm über Europa. München, 2014; *Rose A.* Deutsche Außenpolitik in der Ära Bismarck (1862—1890). Darmstadt, 2013.

²⁰ *Lukaschewski M.* Persönlichkeiten, Ereignisse, Zusammenhänge der Geschichte. Berlin, 2013. S. 33.

²¹ *Чубинский В.В.* Бисмарк. Политическая биография. М., 1988. С. 128, 190; *Ахтамзян А.А.* А.М. Горчаков и О. Бисмарк — школа европейской дипломатии XIX века // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998. С. 136; *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи: 1801—1914. М., 2006. С. 254; *Азаров В.Н.* Объединение Германии и внешнеполитическая позиция России (1862—1871) // Научный диалог. 2016. № 12(60). С. 230. По мнению В.Н. Виноградова, объединение Германии прошло без помех с русской стороны из-за чувства благодарности Александра II за конвенцию Альвенслебена (*Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005. С. 109).

²² История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1999. С. 71—72. От характеристики нейтралитета России как «благожелательного» для Пруссии отказались также Н.С. Киняпина и Н.И. Хитрова (*Киняпина Н.С.* А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков... С. 66; *Хитрова Н.И.* А.М. Горчаков и отмена нейтрализации Чёрного моря. 1856—1871 годы // Канцлер А.М. Горчаков... С. 131).

²³ *Жидкова О.В., Шаповская М.А.* Оценка деятельности канцлера А.М. Горчакова в отечественной историографии (к 220-летию со дня рождения А.М. Горчакова) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 4. С. 65. См. также: Канцлер А.М. Горчаков...

политику, противоречащую интересам России»²⁴. А.В. Игнатъев обращал внимание на то, что в 1860-е гг. кн. Горчаков колебался и то исключал «возможность тесного сближения» с Берлином, то признавал, что «тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»²⁵. В.Н. Виноградов задавался вопросом, не являлось ли согласие Петербурга на превращение Германии в мощное военное государство «чрезмерной платой за осуществлённое одновременно избавление России от тяготивших её условий 1856 г.? Или надлежит расценивать случившееся как крупный промах её дипломатии?»²⁶. Всё это побуждает еще раз проанализировать отношение Петербурга к свершившейся в 1860-е гг. коренной перекройке карты Центральной Европы.

Х.Л. фон Швайниц, проведший долгие годы в Санкт-Петербурге на разных дипломатических постах, писал, оглядываясь на события австро-прусской войны 1866 г.: «Как объяснить, что Бисмарк с такой уверенностью рассчитывал на доброжелательный нейтралитет России? Ведь в тот момент он не мог ей ничего предложить или даже обещать»²⁷. Разумеется, в действительности активность России сдерживали в первую очередь не чьи-либо обещания, а собственные внутренние обстоятельства. Как отмечал 25 мая 1864 г. в политическом обозрении, составленном для наследника престола вел. кн. Николая Александровича, старший советник МИД и один из ближайших сотрудников кн. Горчакова барон А.Г. Жомини: «Первый и основной интерес России — *это покой* (выделено в документе. — А.М.). Опыт показал, как мало мы выигрываем и как много теряем, вмешиваясь в дела Европы. Мы должны жить нашей собственной жизнью, развивать наши институты, наши ресурсы и наши силы»²⁸. Опыт внешнеполитической изоляции в период Крымской войны и вызванное ею экономическое истощение, проходившие в стране преобразования подталкивали к проведению «политики успокоения» (*politique d'apaisement*), первым серьёзным вызовом для которой стало польское восстание 1863 г.

Как утверждал в докладе императору в сентябре 1865 г. кн. Горчаков, «наши современные взаимоотношения с иностранными державами определились во время польского кризиса»²⁹. Действительно, он существенно повлиял на внешнюю политику Петербурга, в том числе и в германском вопросе. Российские дипломаты осознавали, что империя не готова к возможным международным осложнениям³⁰, однако надеялись, что с польскими беспорядками, первоначально носившими небольшие размеры, удастся быстро справиться собственными силами. Поэтому миссия генерала Альвенслебена («прусского офицера в

²⁴ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 191.

²⁵ Игнатъев А.В. А.М. Горчаков — министр иностранных дел (1856—1882 гг.) // Отечественная история. 2000. № 2. С. 3.

²⁶ Виноградов В.Н. Балканская эпопея... С. 174.

²⁷ Schweinitz H.L., v. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. Bd. 1. Berlin, 1927. S. 210.

²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 2.

²⁹ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе / Публ. С. Лесника и Е. Моравской // Красный архив. 1939. № 2(93). С. 107.

³⁰ Так, посол в Лондоне барон Ф.И. Бруннов писал 25 января (6 февраля) 1863 г. кн. Горчакову: «Причины, которые парализовали наши усилия в 1854 г. — разве они устранены? Разве построены железные дороги, которые должны соединить север с югом? Наши арсеналы, наши финансы, одним словом, наши средства действовать готовы ли выдержать испытание долгой и дорогой войной?» (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 337, л. 79).

старом смысле слова», как его рекомендовал в феврале 1863 г. давний знакомый кн. Горчакова генерал Э. Мантойфель³¹) стала для Александра II и его окружения большой неожиданностью³². Между тем изначальное желание прусских военных получить больше информации о происходившем в русской части Польши Бисмарк трансформировал в политическую акцию: Альвенслебен прибыл в Петербург 5 февраля, и уже через три дня была подписана конвенция, предусматривавшая сотрудничество русских и прусских военных в борьбе с восставшими вплоть до возможности преследовать их отряды на территории соседнего государства; дополнительная секретная статья обязывала стороны сообщать друг другу об опасностях, возникающих в их польских владениях³³.

Мотивы, которыми руководствовался Бисмарк, организуя эту миссию, в историографии трактуются по-разному. Скорее всего, прусский министр-президент не столько преследовал такие далеко идущие цели, как сознательное создание международного кризиса, который позволил бы ему выступить в роли друга России³⁴, или «введение Пруссии в европейскую игру»³⁵, сколько решал вполне конкретные и насущные задачи. Непосредственная цель миссии соответствовала официально заявленной, а именно установлению взаимодействия России и Пруссии на приграничных территориях³⁶. Судя по записям, сделанным 29 и 31 января в дневнике наместника в Царстве Польском вел. кн. Константина Николаевича, в Варшаве генерал достиг на сей счёт чётких договорённостей³⁷. Бисмарк тем самым хотел предупредить возможное распространение восстания на Познань и нанести серьёзный удар польскому национальному движению, которое он, как известно, считал смертельным врагом Пруссии³⁸.

Сам Бисмарк позднее признавал и своё желание укрепить позиции сторонников жёсткой позиции в Польше в русских правительственных кругах, одновременно расстроив наметившееся во второй половине 1850-х гг. русско-французское сближение. Несмотря на скептическое отношение некоторых историков к подобному объяснению³⁹, оно кажется вполне убедительным.

Конечно, Бисмарк был склонен преувеличивать влияние сторонников предоставления Царству Польскому частичной автономии во главе с вел. кн. Константином и кн. Горчаковым, будто бы даже готовых признать независимость

³¹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 552, л. 4.

³² Вопреки устоявшемуся в историографии мнению, В.С. Дударев считает, что миссия Альвенслебена состоялась скорее по инициативе России: *Дударев В.С.* Бисмарк и Россия. 1851—1871. СПб., 2021. С. 175.

³³ Текст конвенции см.: *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 110—111.

³⁴ *Zechlin E.* Reichsgründung. Frankfurt a/M, 1967. S. 99—100. О мнимом русофильстве Бисмарка см.: *Медяков А.С.* «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // *Российская история.* 2015. № 6.

³⁵ Так, в частности, утверждает Бюрго (*Burgaut S.* La politique russe... P. 64), ссылаясь на слова Бисмарка времён Крымской войны о благотворном воздействии на судьбу Пруссии больших европейских кризисов. Однако из желания пользоваться ими (к тому же в совершенно ином политическом контексте) никак не следует стремление подобную ситуацию *создать*.

³⁶ Сам Альвенслебен понимал конвенцию как «объявление войны между поляками, с одной стороны, и Россией и нами — с другой» (*Verdy du Vernois J.* Im Hauptquartier der Russischen Armee in Polen 1863—1865. Berlin, 1905. S. 36).

³⁷ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1157, л. 10.

³⁸ *Pflanze O.* Bismarck and the Development of Germany: The Period of Unification 1815—1871. Princeton, 1971. P. 186—187.

³⁹ *Baumgart W.* Europäisches Konzert und nationale Bewegung. Internationale Beziehungen 1830—1878. Paderborn, 1999. S. 365.

поляков⁴⁰. Однако эти опасения, возникшие во время пребывания на посту посланника в Петербурге (1859—1862), он неоднократно высказывал и в донесениях, и в разговорах с самыми разными собеседниками, вплоть до своего учителя русского языка⁴¹. Некоторое смягчение политики в Польше в марте 1861 г. крайне обеспокоило Бисмарка, попытавшегося предостеречь русское правительство от «крайне опасных либеральных уступок»⁴². Согласно существовавшей тогда дипломатической практике, он передал кн. Горчакову выдержку из частного письма главы прусского внешнеполитического ведомства А. Шлейнича с аргументами против подобных мер. Любопытно, однако, что в оригинальном тексте⁴³, несмотря на очевидное сходство, отсутствовали отдельные пассажи, появившиеся в переданном документе и, вероятно, выражавшие собственные взгляды Бисмарка. Так, указывалось, что любое проявление слабости окрылит надеждой «всё польское мошенничество» (*den ganzen Polenschwindel*) и произведёт нежелательное воздействие «на наших познанцев»⁴⁴. В то же время Бисмарк сообщал в Берлин о том, что он не исключает связи между изменением отношения к полякам и возможными соглашениями России и Франции⁴⁵.

Иными словами, направляя в 1863 г. миссию Альвенслебена, Бисмарк, по сути, добивался того же, что и в 1861 г., а именно ужесточения действий русского правительства против восставших и ограничения воздействия на императора франкофильски настроенных «людей прогресса» (*«Fortschrittmänner»*). Вместе с тем в том же 1861 г. он констатировал, что, хотя известная признательность за позицию Берлина в Крымской войне ещё ощущалась, «Пруссию в Санкт-Петербурге всё больше забывают»⁴⁶. Протянутая в трудную минуту рука помощи должна была, по его мысли, исправить эту ситуацию.

Прусскую помощь в Петербурге и Варшаве встретили со смешанными чувствами. В окружении наместника преобладало недовольство, управляющий его дипломатической канцелярии Ю.Л. Тенгоборский писал посланнику в Берлине П.П. Убри, что Россия совершенно не нуждается в этой помощи и не видит особой угрозы⁴⁷. Александр II, напротив, был очень благодарен прусскому королю «за это новое доказательство нашей дружбы, основанной, кроме наших семейных связей, на нашем общем интересе»⁴⁸.

Князь Горчаков ни в коем случае не был противником сближения с Пруссией в польских делах, его сомнения касались лишь масштаба и характера со-

⁴⁰ Подробнее см.: Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 78—79, 87.

⁴¹ Dalwigk R. Die Tagebücher aus den Jahren 1860—71. Stuttgart, 1920, S. 42; Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. Т. LVIII. С. 454.

⁴² Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 109.

⁴³ Bismarcks Briefwechsel mit dem Minister Freiherrn von Schleinitz, 1858—1861. Stuttgart; Berlin, 1905. S. 145.

⁴⁴ Нольде Б.Э. Указ. соч. С. 110.

⁴⁵ Bismarcks Briefwechsel... S. 156.

⁴⁶ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd. 3. Berlin, 1925. S. 299.

⁴⁷ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 479.

⁴⁸ Его письмо Вильгельму I см.: Die auswärtige Politik Preußens 1858—1871 (далее — АРР). Bd. III. Oldenburg, 1932. S. 234. Брату о конвенции Александр II сообщил 27 января (8 февраля), причём это письмо должен был вручить наместнику на обратном пути сам Альвенслебен: Korespondencja namestników Królestwa Polskiego. Styczeń—sierpień 1863 г. Переписка наместников Королевства Польского. Январь—август 1863 г. Wrocław; М., 1974. С. 45—46.

трудничества. Так, консультации Альвенслебена в Варшаве он назвал в письме к Убри 20 января (1 февраля) «хорошей и плодотворной идеей»⁴⁹, но не приветствовал ни формальное дозволение перехода границы, ни даже само появление прусского генерала в Петербурге⁵⁰. Тем не менее в день подписания конвенции он в целом оценивал её вполне положительно⁵¹.

Едва ли можно принять категоричное утверждение, будто кн. Горчаков, подписав конвенцию против своей воли, не собирался её выполнять⁵². Вице-канцлера прежде всего тревожила возможная интернационализация конфликта, и потому ему хотелось всячески приглушить политическое звучание подписанного документа вопреки настояниям «нашего друга Бисмарка». Князь видел практический смысл конвенции в дополнительной защите российских застав и таможен, признавал её «моральное значение» для русско-прусских отношений, «но ничего более этого»⁵³. В этих границах он и действовал, заботясь, в частности, о реализации секретной статьи о взаимном информировании, которая обычно недооценивается исследователями. Непосредственная работа возлагалась при этом не на консулов двух стран в приграничных областях, а на специально уполномоченных военных агентов⁵⁴. Одновременно Убри поручалось делать выписки из поступавших из Парижа секретных сообщений, касавшихся Познани, и передавать их Бисмарку⁵⁵. Со своей стороны, кн. Горчаков делился имеющимися у него данными с прусскими дипломатами в Петербурге, прямо ссылаясь на «моё соглашение с Альвенслебеном»⁵⁶. В целом, можно констатировать, что конвенция Альвенслебена в этой её части заработала, что представляется весьма важным для её общей оценки.

Однако практически сразу, казалось бы, успешно завершившаяся миссия генерала превратилась в проблему. Уже через несколько дней после его возвращения в Петербурге стали получать от Убри тревожные известия из Берлина о том, что Пруссия якобы вынашивает планы превращения своей помощи в настоящую интервенцию⁵⁷ и даже имеет территориальные претензии. А после беседы Бисмарка с одним из депутатов ландтага о возможной оккупации прусскими войсками Царства Польского русский посланник отмечал: «Мне больше ничего не кажется невероятным»⁵⁸. Горчакову пришлось напомнить пруссакам «об истинном смысле» конвенции⁵⁹. Сам вице-канцлер всё больше тяготился ею. Уже 22 февраля он писал вел. кн. Константину Николаевичу, что был бы

⁴⁹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 268.

⁵⁰ APP. Bd. III. S. 310.

⁵¹ Причём не только в письмах Бисмарку и Мантойффелю, но и в инструкциях Убри и рекомендациях наместнику: ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 276, 280, 285; APP. Bd. III. S. 234.

⁵² *Ревунков В.Г.* Указ. соч. С. 136.

⁵³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 308—309.

⁵⁴ Там же, л. 276.

⁵⁵ Там же, л. 283.

⁵⁶ Там же, л. 318.

⁵⁷ Там же, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 31; APP. Bd. III. S. 241. Между тем в Петербурге при подписании конвенции думали предоставить лишь русским частям возможность действовать на территории соседнего государства (*Korespondencja namestników...* С. 41—42). Правда, наместник изначально опасался со стороны Пруссии «чересчур горячего желания вмешиваться в наши дела и переходить нашу границу» (Там же. С. 73).

⁵⁸ *Poschinger H.* Fürst Bismarck und die Parlamentarier. Bd. II. Breslau, 1895. S. 24.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 31, 37, 47, 52.

рад вообще обойтись без неё⁶⁰. Но, когда Бисмарк под давлением общественного мнения внутри и вне страны начал свой «спешный отход»⁶¹ и практически объявил конвенцию лишённой силы, недовольство кн. Горчакова возросло ещё больше. В течение трёх последующих недель шли препирательства, в ходе которых министр-президент пытался переложить ответственность за своё решение на Россию⁶². Александр II был глубоко разочарован⁶³, но кн. Горчаков скорее испытывал облегчение и писал в феврале Убри, что не без удовлетворения смотрит на «унижение, которому подвергается наш друг Бисмарк»⁶⁴. Князь надеялся теперь избежать негативных международных последствий военного сотрудничества с Пруссией и поддержать авторитет России, показав, что она способна самостоятельно справиться с плохо вооружёнными «бандами»⁶⁵. Кроме того, сглаживалось невыгодное впечатление, что империи была навязана иностранная помощь.

В Варшаве также полагали, что «берлинский кабинет оказал нам плохую услугу». Хотя Тенгоборский признавал, что Пруссия скомпрометировала и себя, предоставив Австрии возможность во внутригерманском противоборстве «выступать в костюме либеральных цветов, который ей ничего не стоил, поскольку фасон оплатила Пруссия». Однако положение России оказалось гораздо хуже: «До этих пор восстание было ссорой внутри семьи... Конвенция открыла ту дверь, которую искали для *вмешательства* (выделено в тексте. — *А.М.*), которое может вскоре превратиться в официальную интервенцию, и из внутреннего дела возникнет европейский вопрос»⁶⁶.

И всё же нельзя согласиться с Бюрго, когда она пишет про «фиаско» миссии Альвенслебена⁶⁷. Вопреки встречающимся в литературе утверждениям, конвенция не «превратилась в пустую бумажку»⁶⁸ и не «потеряла какое-либо

⁶⁰ Ревуенков В.Г. Указ. соч. С. 136.

⁶¹ Pflanze O. Op. cit. P. 187.

⁶² APP. Bd. III. S. 290—296, 311—320, 329—333, 346—348. См. также: Lord R. Op. cit. P. 32—35; Ревуенков В.Г. Указ. соч. С. 171—194; Burgaud S. La politique russe... P. 108—114.

⁶³ 11—13(23—25) февраля император писал, что «Пруссия, как кажется, сама вызвавшаяся на вооружённое содействие, испугавшись, вероятно, критики Англии и Франции, теперь откладывает приведение в исполнение подписанной конвенции» (Korespondencja namestników... С. 85). 16(28) февраля он вновь упомянул, что «Пруссия, испугавшись, сама просит уничтожения конвенции, чему я и не противлюсь, так как мы можем и без неё обойтись». Однако его не покидало опасение, что «если нам не удастся скоро усмирить мятеж, то из нашего домашнего дела произойдёт европейский вопрос, и последствия его могут быть для нас неизмеримы, чего не дай Бог!» (Там же. С. 101). «[Е]го [величество] не предлагал приостановить соглашение, — сообщал 14(26) февраля кн. Горчаков вел. кн. Константину Николаевичу, — но раз Пруссия проявила инициативу, он с ней согласился» (Там же. С. 94). См. также: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 63—66.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 44. Бруннову 16(28) февраля вице-канцлер писал: «Воображение увлекло Бисмарка. Он велел трубить в фанфары, когда следовало бы, напротив, преуменьшать [дело] в глазах публики. Когда же этот ненужный шум поднял грозу на западе, он издал крик бедствия и попросил нас отказаться от соглашения» (Там же, л. 47).

⁶⁵ Там же, л. 21.

⁶⁶ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 378, л. 3—5. Делясь с Жомини анализом ситуации, Тенгоборский завершил его фразой, написанной по-немецки: «Боже, спаси нас от друзей!». Вел. кн. Константин Николаевич полностью разделял его мнение: Korespondencja namestników... С. 97, 109—111.

⁶⁷ Burgaud S. La politique russe... P. 107, 112, 115.

⁶⁸ Виноградов В.Н. Князь А.М. Горчаков — министр и вице-канцлер // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 190.

практическое значение»⁶⁹. Предусмотренный в ней обмен информацией продолжался, военные агенты остались на своих местах (пруссский полковник Тресков покинул Варшаву лишь в конце 1863 г.)⁷⁰. И это приносило свои плоды. Так, именно сведения русского военного агента при прусской армии послужили в январе 1864 г. основанием для репрессий по другую сторону границы⁷¹.

Не вполне обосновательным кажется и знаменитое заявление Бисмарка о том, что благодаря конвенции «мы дешёво обеспечили себе на будущее благодарность императора Александра и русские симпатии»⁷². Возникшие затруднения, по словам кн. Горчакова, не могли иметь негативных последствий для «entente intime et sérieuse»⁷³ между Петербургом и Берлином и затмить главное: Пруссия предложила помощь. К тому же ответственность за дипломатические трения вокруг конвенции в русском МИД были склонны возлагать не на всё соседнее королевство, а персонально на Бисмарка. И если осенью 1862 г. кн. Горчаков приветствовал назначение прусского министра-президента⁷⁴, то с 1863 г. «ami» применительно к нему использовалось вице-канцлером почти исключительно иронически, тогда как о дружбе с Пруссией говорилось со всей серьёзностью. Так, князь утверждал, что, несмотря на все «оплошности» (*bévue*) Бисмарка, Россия и Пруссия сохраняют тесное согласие, «как рука и перчатка»⁷⁵.

Таким образом, конвенция Альвенслебена сыграла важную, хотя и неоднозначную, роль в развитии русско-пруссских отношений. Она не являлась ни безусловным «успехом»⁷⁶, ни шагом, вызвавшим «неоспоримое охлаждение»⁷⁷. Скорее, это было «новое начало»⁷⁸, или «восстановление связи»⁷⁹ между Петербургом и Берлином. Не случайно кн. Горчаков сообщал туда через Убри, что «император не перестаёт рассматривать миссию Альвенслебена как доказательство горячей дружбы короля. Он видит здесь привязанность, которая проявилась в действии, и память о которой он сохранит навсегда»⁸⁰. Впрочем, подобные признания и сам факт русско-пруссского сближения отнюдь не означали полной поддержки германского объединения вокруг Пруссии.

Знаменитая «война нот», т.е. попытка Англии, Франции и Австрии с помощью трёх одновременных демаршей в апреле, июне и августе 1863 г. оказать давление на Россию и заставить её изменить свою политику в Польше, подвергла наметившийся русско-пруссский альянс жестокому испытанию. 20 мая (1 июня) Александр II обратился к Вильгельму I с письмом, которое традиционно рассматривается в историографии как предложение заключить союз, а Бюрго считает не более чем зондированием, «пробным шаром», при отсут-

⁶⁹ Дударев В.С. Бисмарк и Россия... С. 184, 196.

⁷⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 66.

⁷¹ ГА РФ, ф. 547, оп. 1, д. 285, л. 162.

⁷² Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. Stuttgart; Berlin, 1901. S. 52.

⁷³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 79, 83, 94.

⁷⁴ Там же, д. 1426, л. 30.

⁷⁵ Там же, д. 1427, л. 147.

⁷⁶ Критический анализ этой точки зрения см.: Kent G.O. Bismarck and his times. L.; Amsterdam, 1978. P. 46.

⁷⁷ Burgaud S. La politique russe... P. 107.

⁷⁸ Hillgruber A. Op. cit. S. 49.

⁷⁹ Clark Ch. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600—1947. München, 2007. S. 598.

⁸⁰ Цит. по: Ревуненков В.Г. Указ. соч. С. 78.

ствии реальной заинтересованности в помощи Пруссии⁸¹. Обосновывается же это тем, что в планы противников России не входило превращение дипломатического конфликта в вооружённое столкновение и, соответственно, «Россия не находилась в той угрожающей ситуации, в которой она должна была бы любой ценой искать себе военных союзников»⁸².

Однако в Петербурге в 1863 г. ситуация оценивалась иначе. С апреля и вплоть до осени в обществе и в правительственных кругах опасались начала войны, которая многим казалась скорой и неминуемой⁸³. В мае, по словам А.В. Никитенко, знакомые спрашивали друг друга при встрече: «Война или мир?»⁸⁴. От дипломатических агентов поступали крайне тревожные донесения: в середине мая Бисмарк сказал Убри, что «война, очевидно, более или менее близка»⁸⁵; о «неизбежности войны» сообщали из Вены⁸⁶. В июне кн. Горчаков не исключал, что тем же летом начнутся боевые действия, а министр внутренних дел П.А. Валуев записал в дневнике: «Важных известий ниоткуда нет, но как-то пахнет гарью. Без войны не обойтись»⁸⁷. Александр II, в феврале полагавший, что возмущение Запада ограничится одною «журнальною болтовнёю и, может быть, разменом депеш кисло-сладких, как то было и в 1831 г.»⁸⁸, с конца марта всё чаще писал об ожидании войны и готовности «лечь за правое дело»⁸⁹. На этом фоне велась передислокация полков на запад, шло лихорадочное строительство укреплений⁹⁰, две эскадры были отправлены в Нью-Йорк и Сан-Франциско⁹¹, проводилась полная мобилизация армии⁹².

В этой обстановке Александр II, особо оговорив, что отказывается от дипломатических экивоков, и сославшись на «братство по оружию 1813 г.», задал в письме прусскому королю прямой вопрос: может ли Россия рассчитывать на прусскую помощь?⁹³ Совершенно очевидно, что в ситуации, воспринимавшейся как чрезвычайная, царю было не до «пробных шаров»: он искал союзника в большой европейской войне. О том, что его обращение к дяде не было про-

⁸¹ *Burgaud S.* La politique russe... P. 129—134.

⁸² *Ibid.* P. 146.

⁸³ М.Н. Муравьёв вспоминал, что «во второй половине апреля между главными правительственными деятелями была всеобщая паника» («Готов собою жертвовать...»). Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863—1866 гг. / Сост. К.В. Петров. М., 2008. С. 74. Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 119—120, 205, 247—248; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 464—467; *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 231—233, 245.

⁸⁴ *Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 2. М., 2005. С. 417.

⁸⁵ ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 499, л. 214.

⁸⁶ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 193.

⁸⁷ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 225, 229.

⁸⁸ *Korespondencja namestników...* С. 122.

⁸⁹ См., в частности, его письма к вел. кн. Константину Николаевичу (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 683, л. 143—226) и наследнику цесаревичу вел. кн. Николаю Александровичу (Там же, ф. 665, оп. 1, д. 13, л. 35—37).

⁹⁰ *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 159—160, 205.

⁹¹ *Болховитинов Н.И.* Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863—1864 гг. // Американский ежегодник. 1994. М., 1995.

⁹² В докладе военного министра утверждалось, что именно эта мера «дала нам возможность предупредить войну европейскую», Александр II, судя по оставленной им помете, также был уверен, что «в этом нет никакого сомнения» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 429, л. 7).

⁹³ *APP.* Bd. III. S. 596—597. В. Баумгарт назвал данное письмо «криком о помощи» (*Baumgart W.* *Op. cit.* S. 368). Ни о каком возрождении Священного союза, как утверждал В.Н. Виноградов, при этом, конечно, не говорилось (*Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 116).

стым зондированием, император сообщил 26 мая (7 июня) и вел. кн. Константину Николаевичу: «Я спрашиваю его *категорически* (выделено мною. — А.М.), какую роль намерена играть Пруссия в случае войны с Францией и Англией. С нетерпением ожидаю теперь ответа, ибо необходимо нам знать *à quoi nous en tenir*»⁹⁴.

Ответ из Берлина вызвал у царя сильнейшее разочарование: 5(17) июня Вильгельм I прикрылся ссылкой на правовые нормы Германского союза, воспрещавшие его участникам заключать наступательные альянсы⁹⁵. Даже через полгода, когда в ситуации кризиса вокруг Шлезвига-Гольштейна теперь уже в Пруссии заговорили о «братстве по оружию», Александр II раздражённо напомнил про недавний отказ⁹⁶. Тем не менее в условиях «дипломатического похода» трёх держав в Петербурге могли позволить себе лишь скрытое недовольство. Кроме того, Пруссии вновь было что записать на свой счёт: она отклонила союз, но и не присоединилась к враждебным демаршам, что российские государственные деятели весьма ценили⁹⁷. Таким образом, русско-прусское сближение не прерывалось. Но это вовсе не означало, что польский вопрос вынудил Россию поставить всё на прусскую карту. Напротив, Россия прилагала максимальные усилия, чтобы даже во время серьёзного кризиса сохранить внешнеполитическую свободу манёвра. Ключевую роль в расчётах Петербурга играла позиция Франции.

Оценивая последствия миссии Альвенслебена, Бисмарк настаивал на том, что она уничтожила сотрудничество России с Францией⁹⁸. В действительности кн. Горчаков всеми силами старался избежать её негативных последствий для франко-русских связей⁹⁹. Шансы на их укрепление ещё сохранялись, и лишь враждебная политика Парижа не позволяла ими воспользоваться¹⁰⁰. Александр II, ещё на штуттгартской встрече двух императоров в 1857 г. слышавший размышления Наполеона III о «коренной перекройке карты Европы», теперь опасался, что польский мятеж станет лишь предлогом для осуществления подобных планов¹⁰¹.

В меморандуме 3(15) мая 1863 г. кн. Горчаков, оправдывая политику, проводившуюся им с 1856 г., указывал на отсутствие глубоких противоречий между Россией и Францией, однако именно последняя признавалась главной виновницей «дипломатического похода» против Петербурга¹⁰², и это заставляло вице-канцлера выступать за поиск новых партнёров. Средством сдерживания наполеоновской «коронованной революции» и одновременно укрепления

⁹⁴ См.: Korespondencja namestników... С. 244.

⁹⁵ APP. Bd. III. S. 626—629.

⁹⁶ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 65.

⁹⁷ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 264.

⁹⁸ Poschinger H.R., v. Bausteine zur Bismarck-Pyramide. Berlin, 1904. S. 69.

⁹⁹ Александр II, в соответствии со штуттгартскими договорённостями 1857 г., поспешил сообщить о миссии Наполеону III, а кн. Горчаков заверял французоз через русского посла барона А.Ф. Будберга, что она не имеет политического характера (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 30).

¹⁰⁰ Rautenberg H.-W. Op. cit. S. 323.

¹⁰¹ Korespondencja namestników... С. 140—141.

¹⁰² В письме к вел. кн. Константину Николаевичу 20 июля (1 августа) вице-канцлер констатировал: «Правительство Франции является наиболее ожесточённым среди наших настоящих противников. Я не сомневаюсь ни на мгновение, что, если бы император Наполеон смог бы увериться в помощи, пусть даже частичной, со стороны Англии, военные действия были бы уже начаты» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 759, л. 69).

международных позиций России ему представлялось традиционное консервативное содружество трёх «северных дворов» с привлечением к нему Англии. Несмотря на пресловутую «неблагодарность» Австрии в годы Крымской войны, у Певческого моста были уверены в общности интересов с Веной в польском вопросе и в сохранении *status quo* в Европе. Ещё во время миссии Альвенслебена Александр II надеялся на присоединение к антипольской комбинации Австрии и даже дал соответствующие полномочия вел. кн. Константину Николаевичу¹⁰³. Неудача не смутила российские власти, и с начала марта кн. Горчаков предпринимал шаги в Вене и Берлине, убеждая австрийцев примкнуть к русско-прусской «антанте»¹⁰⁴. Помимо сотрудничества в усмирении поляков она должна была также сыграть роль «противовеса злой воле Франции»¹⁰⁵. Даже после участия Вены в первом демарше «войны нот» в апреле 1863 г. кн. Горчаков был убеждён, что её солидарность с Россией обеспечена «силою вещей», и поэтому следует сохранять контакты, избегая излишних упреков¹⁰⁶. Александр II, со своей стороны, рассчитывал, как передавал кн. Горчаков Убри, что «змея из Тюильри» сможет «зачаровать лишь колибри, но не германских орлов»¹⁰⁷. И в последующие месяцы царь и его вице-канцлер всеми возможными путями продолжали убеждать правящие круги Берлина и Вены в необходимости прочных консервативных связей «для будущего Европы»¹⁰⁸.

Их возобновление, помимо прочего, позволило бы России претендовать на влияние, а временами даже на роль арбитра в германских делах, хотя, конечно, весной—летом 1863 г. думать об этом не приходилось. Ближайшая задача «консервативной антанты» сводилась к тому, чтобы вывести Австрию из участия в «дипломатическом походе». Кроме того, кн. Горчаков полагал, что путь в Лондон лежал через Вену¹⁰⁹. В Петербурге уповали на то, что долгосрочные интересы Англии, несмотря на её заигрывание с польскими мятежниками, несовместимы с желанием Наполеона III «перекроить карту Европы на свой фасон», как выражался Александр II¹¹⁰. Таким образом, объективная заинтересованность четырёх держав в сохранении *status quo* и сдерживании бонапартистской «тяги к потрясениям» не только служила залогом мирного урегулирования споров об устройстве польских территорий, но и наилучшей гарантией на будущее.

Между тем в 1863 г. оживление наблюдалось и в Германии. Попытка согласовать реформу Германского союза, предпринятая в августе на созванном по инициативе Вены Франкфуртском съезде князей¹¹¹, закончилась неудачей из-за бойкота со стороны Берлина и привела лишь к обострению австро-прусского соперничества, что не соответствовало петербургским планам образования консервативной «антанты» для противодействия французским амбициям¹¹².

¹⁰³ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 277, 312; Korespondencja namestników... С. 42.

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 148, 163, 176.

¹⁰⁵ Там же, л. 209.

¹⁰⁶ Там же, л. 315; ф. 722, оп. 1, д. 395, л. 16.

¹⁰⁷ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 350.

¹⁰⁸ Там же, д. 1428, л. 171, 219, 243. Об этом, в частности, Александр II писал Вильгельму I и принцу Александру Гессенскому, брату императрицы Марии Александровны (APP. Bd. III. S. 583; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 106).

¹⁰⁹ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1428, л. 173, 260, 291.

¹¹⁰ Korespondencja namestników... С. 140—141, 170, 191; ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1427, л. 278.

¹¹¹ Подробнее см.: *Wehner N. Die deutschen Mittelstaaten auf dem Frankfurter Fürstentag 1863.* Frankfurt a/M, 1993.

¹¹² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1429, л. 11, 17, 89.

Характерно, что в России именно Пруссию считали тогда защищающейся стороной, хотя оказывать ей прямую поддержку не собирались даже после соответствующего зондирования Бисмарка и несмотря на участие Австрии в августовском продолжении «войны нот»¹¹³.

Тем временем твёрдая позиция Александра II и успешное подавление восстания положили конец дипломатическим демонстрациям в защиту поляков. За эти непожаренные месяцы — с зимы до осени 1863 г. — серьёзно изменились как положение России, так и расстановка сил в Европе. Ещё в начале января Горчаков делился с Убри мыслями об «интимной антанте» с Пруссией и Францией, призванной сдерживать стремление Англии к «преобладанию по всем сторонам»¹¹⁴. А уже весной он добивался объединения четырёх держав против Франции. Однако, подобно тому, как дружба с Берлином не гарантировала тому автоматической поддержки в будущем, так и трения с Парижем не означали полного отказа от сотрудничества с ним, например, в шлезвиг-голландском конфликте.

Эта проблема имела для России скорее второстепенное значение¹¹⁵. В Петербурге желали тогда сохранения «внешнего покоя» и пытались по мере сил сдерживать эскалацию противоборства, дабы избежать непредсказуемых осложнений. Лучшей опорой при этом казалась всё та же «консервативная антанта» четырёх держав, и потому кн. Горчаков продолжил содействовать сближению между Пруссией и Австрией¹¹⁶. Связь шлезвиг-голландского вопроса с германским в Петербурге в 1863 г. видели не вполне отчётливо.

В начале кризиса Россия стремилась не допустить открытого столкновения сторон, а когда это не удалось, старалась локализовать конфликт и, наконец, ограничить его последствия. Так, дипломаты Александра II настоятельно советовали датскому королю Кристиану IV не санкционировать конституцию 18 ноября, вопреки Лондонскому протоколу 1852 г. включавшую Шлезвиг в состав Дании¹¹⁷. Кн. Горчаков предлагал, чтобы представители всех пяти великих держав выступили в Копенгагене с коллективной рекомендацией изменить спорные статьи, нарушавшие прежние обязательства¹¹⁸. Одновременно он уговаривал Берлин дать датчанам больше времени для исправления законодательных норм.

Со своей стороны, Бисмарк настойчиво добивался благожелательной позиции России в случае войны: «Дайте нам ... обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами»¹¹⁹. При этом он то сообщал Александру II о «революционных тенденциях» датчан, то пугал его последствиями поражения Пруссии, после которого будто бы возникнет либеральная Германия, а Россия «едва ли останется равнодушным наблюдателем, если, например, Франция займёт Данциг». Подобные аргументы приходилось учитывать. Так, 11(23) января 1864 г. Убри признавал, что «разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом

¹¹³ Там же, л. 121, 151; APP. Bd. III. S. 678, 693, 694, 705.

¹¹⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1426, л. 191.

¹¹⁵ 21 декабря 1863 г. Александр II писал вел. кн. Константину Николаевичу: «Можно надеяться, что по крайней мере нас оставят в покое» (ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 681, л. 129).

¹¹⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1429, л. 322, 327; APP. Bd. III. S. 185.

¹¹⁷ APP. Bd. IV. Oldenburg, 1933. S. 183—184.

¹¹⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1430, л. 1; APP. Bd. IV. S. 245, 272—273. Изначально Горчаков был готов сделать этот шаг и без Франции (ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1430, л. 22).

¹¹⁹ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 74.

к лицу с Францией. Позиция же имп[ератора] Наполеона в польском вопросе не позволяет питать ни малейшего сомнения относительно последствий такого соседства»¹²⁰.

Вице-канцлер по-прежнему хлопотал о том, чтобы не потерять шанс на «антанту вчетвером». В январе—феврале 1864 г. он отклонил английское предложение направить идентичные ноты протеста от негерманских великих держав в Берлин, Вену и Франкфурт, а также не пошёл на переговоры с Лондоном о «материальном сотрудничестве» в датских делах¹²¹. Вместе с тем он игнорировал и намёки Бисмарка на «материальную помощь» России¹²². С другой стороны, сохранение «консервативной антанты» требовало, чтобы Пруссия и Австрия не зашли в своих притязаниях слишком далеко и не заставили тем самым Англию договариваться с Францией. В этом случае, как опасался кн. Горчаков, Наполеон III мог потребовать изменения и в положении Польши¹²³.

Но вскоре в Петербурге стали догадываться о наличии у Берлина тайных целей в северогерманских княжествах. После того, как прусские войска заняли весь Шлезвиг, кн. Горчаков начал писать о бисмарковской политике «фантазий и авантюра», способных привести к сближению Англии и Франции. В то же самое время он полностью одобрял стремление Вены к сотрудничеству с Лондоном¹²⁴. Узнав накануне Лондонской конференции по шлезвиг-гольштейнскому вопросу от прусского дипломата барона В. Пирха о территориальных претензиях Вильгельма I, кн. Горчаков заявил, что царь настаивает на целостности владений датской короны¹²⁵. Вместе с тем оказать действительное давление на Пруссию в России не могли и не хотели, ограничившись призывами к «умеренности»¹²⁶.

Инструкции русского уполномоченного на конференции барона Бруннова предписывали ему требовать скорейшего заключения перемирия, возвращения к Лондонскому протоколу 1852 г., а также установления как можно более тесной связи Шлезвига и Гольштейна с Данией. Если бы выяснилось, что договор 1852 г. придётся признать утратившим силу, следовало заявить, что в этом случае недействительным объявляется и отказ русского Гольштейн-готторп-романовского дома от наследственных прав в Шлезвиг-Гольштейне¹²⁷. Однако это рассматривалось как крайнее средство¹²⁸. Прибегнуть к нему разрешалось лишь тогда, когда исчезла бы надежда на «антанту вчетвером», а до того надлежало поддерживать Англию и, не одобряя аннексионистских планов, беречь хорошие отношения с Австрией и Пруссией — «важными элементами плотины против революции»¹²⁹.

Когда уполномоченные германских держав выступили на конференции за полное отделение герцогств от Дании, Россия заявила протест, поддержанный Англией и Швецией, но не Францией. С самого начала одной из причин неже-

¹²⁰ Там же. С. 65—66.

¹²¹ Там же. С. 61—62, 71, 76—77, 80.

¹²² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 204.

¹²³ Там же, л. 7; д. 1430, л. 32.

¹²⁴ Там же, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 230, 247, 271.

¹²⁵ Там же, л. 275, 281, 287; APP. Bd. IV. S. 757—759.

¹²⁶ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 305, 312.

¹²⁷ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 82—85.

¹²⁸ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1431, л. 81.

¹²⁹ Там же, л. 41, 50.

лания России принять отторжение княжеств было опасение «скандинавизма»: в Петербурге допускали, что вследствие подобной ампутации Дания не сможет обеспечить своё государственное существование и окажется вынужденной вступить в унию со Швецией, а это повредит российским позициям на Балтике и превратит пролив Белт «во второй Босфор»¹³⁰. Не менее ясно русские дипломаты видели и то, что и усиление Пруссии на Балтике совершенно не соответствует интересам империи¹³¹.

Но всё же главным возмутителем спокойствия в глазах Петербурга оставался Наполеон III, «всегда настроенный мутить воду в Европе, чтобы выловить себе в ней какое-нибудь приращение», как говорилось в «Политическом обозрении», составленном бароном Жомини 25 мая 1864 г.¹³² Сильное недоверие к французской политике, несмотря на сохранявшиеся контакты и нежелание доводить дело до полного разрыва, по-прежнему подпитывало русско-прусскую связь и заставляло Петербург стремиться к «антанте четырёх», с помощью которой там всё ещё надеялись найти удовлетворительное решение в том числе и судьбы северогерманских герцогств.

Так или иначе, кн. Горчаков в своих отношениях с Берлином придерживался, по сути, оборонительной тактики — советовал «умеренность», выставлял вперёд Англию, напоминал о возможности её альянса с Францией, заставлял Бисмарка учитывать неопределённость и неоднозначность позиции России. Однако во время состоявшейся в июне 1864 г. встречи русского и прусского монархов в Берлине выяснилось, что эти ухищрения особого успеха не приносят. Смутные намёки на то, что Россия при определённых обстоятельствах может поддержать английские морские демонстрации, были фактически дезавуированы многократными заверениями в дружбе. Угроза большой войны, рисовавшаяся кн. Горчаковым, не смущала Бисмарка, открыто заявлявшего, что в случае вторжения Франции Россия будет на стороне Пруссии, хочет она этого или нет¹³³. Да и сам вице-канцлер, после недавно пережитого опыта дипломатического давления, беспокоился больше не о датских, а о польских делах. Не случайно состоявшуюся летом 1864 г. в Киссингене встречу монархов России, Пруссии и Австрии он рассматривал прежде всего в связи с возможностью выстроить альянс против «французского преобладания», что позволило бы избежать «всеобщего пожара»¹³⁴. Иными словами, польский кризис заставил руководителей российской внешней политики сосредоточиться преимущественно на обеспечении элементарной безопасности страны. Этим определялось и видение ситуации в германском вопросе.

Германский союз в Петербурге хотели не только сохранить, но и по возможности укрепить. По мнению барона Жомини, из его «ненормальной слабости» пользу извлекала лишь Франция, тогда как Россия скорее теряла, что

¹³⁰ Там же, д. 1360, л. 2; APP. Bd. V. S. 94; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 139.

¹³¹ APP. Bd. IV. S. 217—218.

¹³² ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1360, л. 21. В русской дипломатической переписке Наполеона III весьма часто характеризовали как «ловца в мутной воде». Правда, к весне 1864 г. и Бисмарка стали подозревать в том, что ему, по словам барона Жомини, «не дают покоя нечистой пробы лавры» французского императора (Там же, л. 12). Таким же образом высказывался и Александр II (*Revertera F. Erinnerungen eines Diplomaten in St. Petersburg 1864—68 // Deutsche Revue. 1904. Bd. 2. S. 32*).

¹³³ Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе. С. 65; APP. Bd. V. Oldenburg, 1935. S. 208—211; *Dalwigk R. Op. cit.* S. 139; *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии... С. 65—66.

¹³⁴ ГА РФ, ф. 828, оп. 1, д. 1432, л. 307, 285.

проявилось и в годы Крымской войны. Вместе с тем Жомини опасался, что усилившийся Союз может утратить свой сугубо оборонительный характер, о чём свидетельствовали и территориальные претензии, выдвигавшиеся ещё в 1848 г., и «жадное вожделение» Шлезвига в 1863—1864 гг. Из этого барон делал вывод: «Мы должны ограничиться желанием его усиления против агрессии извне путём [внутреннего] согласия». А для его достижения требовались реформы — расширение крупных государств за счёт мелких и увеличение власти центральных органов¹³⁵.

Особая роль отводилась Пруссии. «Она для нас — барьер против Франции, — писал Жомини. — Мы должны желать её усиления». Отметив, что «Прусская монархия возникла путём завоеваний и духа приумножений», автор «Политического обозрения» в мае 1864 г. заключал: «Не поощряя её на этом пути, мы не имеем и никаких причин противопоставлять себя этим приумножениям, так как они не задевают наших прямых интересов»¹³⁶. Однако поглощение всей Германии под этими «приумножениями» явно не подразумевалось.

«Неблагодарность» Австрии во время Крымской войны, разумеется, не была забыта, однако память о ней воздействовала по большей части на эмоции и не оказывала прямого влияния на реальную политику России. В Петербурге осознавали роль монархии Габсбургов как фактора стабильности в Центральной и Восточной Европе. «Мы заинтересованы в том, чтобы она продолжала удерживать составляющие её разнородные элементы в связанном состоянии, которое оберегает нас от анархии, — констатировал Жомини. — Эта необходимость может быть нам антипатична, но она реальна». Сотрудничество с Веней в духе консервативной политики считалось не только возможным, но и естественным, в том числе и на Востоке¹³⁷. Конечно, Австрию постоянно подозревали в поощрении ею «польских стремлений», а её положение отличалось внутренней нестабильностью из-за национальных противоречий. Тем не менее России было выгодно наличие у Габсбургов интересов в центре Европы. Так, рассуждал барон, «Италия для Австрии есть отвлечение от Востока. Чем более она озабочена на По и Минчо, тем более мы спокойны на Дунае». Одновременно, будучи противвесом Пруссии, она являлась принципиально важным фактором сохранения *status quo* в Германии. «Лучшее, что мы можем сделать, — считали в российском МИД, — это хранить равновесие между двумя державами, в зависимости от обстоятельств склоняясь к той из них, которая отвечает нашим интересам момента. Это система императрицы Екатерины. Она, без сомнения, разрушает доверие, но из современной политики это чувство исключено»¹³⁸.

В целом, в 1863—1864 гг., безусловно, наблюдалось сближение между Берлином и Петербургом как на почве решения конкретной польской проблемы, так и на основе более широких интересов, связанных с малопредсказуемой стратегией Наполеона III. Однако ни первое, ни второе не означало безусловной и исключительной ориентации России на Пруссию и тем более поддержки или даже простого согласия с германским курсом Бисмарка. Напротив, российские дипломаты старались не оставаться с Пруссией один на один и всячески стремились включить её в консервативную «антанту четырёх», призванную сдерживать динамизм как французской, так и прусской политики.

¹³⁵ Там же, д. 1360, л. 8.

¹³⁶ Там же, л. 3.

¹³⁷ Там же, л. 4.

¹³⁸ Там же, л. 16.